

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ «НАДЕЖНОСТИ» В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ: ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ КООРДИНАТЫ СУБЪЕКТА

Тогузова Л.И.¹, Титкова О.В.², Осипова А.М.³

Ключевые слова: объект, субъект, ценности, нравственные убеждения, узнавание себя, правопорядок, коммуникативный, коммунитарный, надежность, межчеловечность.

Аннотация

Цель статьи: исследование рефлексивности знания, если субъект осознает надежность или ненадежность своего знания в социально-гуманитарном объекте. Ценностная аргументация объясняется как предмет интересов и стремлений, значимый для человека или группы лиц. В центре внимания находятся правопорядок, коммуникация и коммунитарность субъекта действительности. В силу различия человеческих способностей к выбору, опирающемуся на практическое рассуждение, авторы предприняли описание ключевых утверждений с оценками тех средств, которые выводимы из этико-правовой объектности.

Результаты исследования: ценностная сторона в социально-гуманитарном познании преобразует образцы и стандарты в неотъемлемый этико-правовой элемент любой деятельности, отображает реальность в перспективе правильных пониманий.

DOI: [10.24412/2226-0692-2025-1-85-91](https://doi.org/10.24412/2226-0692-2025-1-85-91)

«Если недостаток знаний опасен,
то где тот человек,
у которого знаний так много,
что он в полной безопасности?»

Томас Гексли

Никогда не знаешь,
что хорошо, а что плохо.

Поговорка

В специальных логико-теоретических, научно-практических работах знание исследуется в самых различных аспектах. Для нашей темы важно подчеркнуть, что социально-гуманитарные проблемы в последнее двадцатилетие XXI века разрабатываются аккумулятивным, сокращенным, проверенным, подтвержденным и оценочным интеллектуальным опытом в виде правил, рекомендаций, схем приоритетов и т. д. Знания, накопленные в ходе длительного освоения соответствующих предметов и явлений многими людьми, сменяющимися поколениями, попадают в распоряжение различных социальных

систем. Можно утверждать, что по самой своей сущности знание есть продукт совокупной деятельности общества. Знание в своих универсальных масштабах участвует во взаимодействии со всеми объектами: наблюдает объекты, преобразовывает и проверяет знания, устанавливает тесную связь индивидов с предшествующими актами коллективной деятельности; направляет на обработку или использование тех же или сходных, родственных объектов или явлений; производит *ценностную ревизию* как полезности, так и бесполезности действий людей в создании социально-исторического продукта.

¹ Тогузова Людмила Изатбековна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления РТУ МИРЭА, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: toguzova@mirea.ru

² Титкова Ольга Вячеславовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления РТУ МИРЭА, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: titkova_o@mirea.ru

³ Осипова Альбина Магомедовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления РТУ МИРЭА, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: osipova_a@mirea.ru

Аксиологическая проблематика в современных формах познания занимает достаточно прочное место в силу того, что и философия, и наука подчеркивают ценностную взаимосвязь субъекта и объекта как понимание не только критериев объективности, но также смыслов, намерений и представлений, составляющих бытие человека. Отметим также, что само понятие «объект научного познания» весьма объемное в силу охвата в нем всего материального, но также включает в себя уже и оценки духовной направленности. Не скатываясь в гегельянское понимание, упомянем лишь, что происходящее между субъектом и объектом — это есть усвоение «себя само как себя само»; углубление субъекта в свое, в «различное» свое, свой мир; мир конкретности с обновляющимися условиями своего бытия так, что разоблачаются мнимые положения [3, с. 94; 3, с. 261].

Так выходит, что субъект за счет свободы «отпускает» объект, который, в свою очередь, являясь освоенным, ведет свое внешнее существование, но только теперь субъект с Духом, «закаленным» против опасности внешнего воздействия, имеет власть снятия опредмеченности от той объективации, когда вещь поставлена словно для учета в ряд других вещей. То, что у Гегеля каждый шаг мысли обязательно привязан к мировой взаимосвязи, к единому, к целому — это его классическая конструкция, которая компактно вписывается в структуры строго дисциплинарные, но для разных вещей, сплоченных в одной обояме живой действительности, требуется понятие активной, творческой силы, как творческий итог, выраженный идеей «надежности».

Скажем так, в современном информационном и технологически обустроенном мире понятию Идеи объект всегда сулит переход от служебного, вспомогательного смысла слова к своему, к живому Понятию; от полезной системы — к системе как целому. Вот почему социально-гуманитарное познание как процесс постоянного изменения идеальных превращений обществознания как бы «рассекается» на своеобразные реальности действительной целостности, идеально превращенный самостоятельный объект анализа. Сознательное построение идеальных конструкций, эмпирические и теоретические модели этих наук соотносятся аспектно; они опосредуются к целостной предметной области в той мере, в какой субъект стремится применить особые законы идеализации через анализ действительности, через измерение свойств общественной жизни.

Исходя из всего сказанного выше, обозначим два важных вопроса, на которые будут предложены ответы в данной статье. Если социально-гуманитарный объект познания — это фрагмент реальности, «объективной или мысленной, на изучение которой направлено научное познание» [11, с. 489], то его рассматривают «как выделенную практикой часть объективной реальности» [11]. Эти науки анализируют «как закономерности социальной жизни», так и ее «ценностные состояния», «мотивы действующих

субъектов» [11]. Здесь происходит конструирование предметных исследований, но различными способами. В нашем исследовании — это вопрос о рациональном понимании коммуникации как свойства информационно-технологического мира и обоснование пределов «надежности» социальных процессов. Из этого вопроса вытекает следующий, относящийся к субъекту коммуникации и тем координатам, которые составляют выбор «надежности» действия. Так, понимание включенности субъекта в свой объект в методологическом плане подводит нас к ценностному измерению субъекта, преследующего свои интересы, интересы своих групп. Важно также понимать, что исследование субъекта социально-гуманитарного взаимодействия — это не только статус субъект-объектного отношения, но еще и область мировоззренческого выбора, куда входят убеждения субъекта и правопрядок.

* * *

Ценности — это специфически социальные объекты «окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества (благо, добро, зло, прекрасное, возвышенное, заключенные в явлениях общественной жизни и природы). Внешне ценности выступают как свойства предмета или явления, однако они присущи ему не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а потому, что он вовлечен в сферу общественного бытия человека и стал носителем определенных социальных отношений» [13, с. 769—770]. Для человека как субъекта познания — это «объекты его интересов», а для его сознания — они «выполняют роль ориентиров» (курсив наш) «в предметной и социальной действительности» [13, с. 770].

Так, согласно концепции академика В. С. Стёпина, поле рациональной рефлексии постоянно расширяется особенно в постнеклассический период развития «получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с внешне научными, социальными ценностями и целями» (курсив наш) [12, с. 305]. По утверждению Стёпина и его единомышленников (Горохов В.Г., Розов М.А. и др. [13]), «когда современная наука на переднем крае своего поиска поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек, то требование экспликации ценностей усилилось и будет дальше усиливаться. «Есть все основания полагать», что «техногенная цивилизация» создает «особый тип прогресса», «когда гуманистические ориентиры (курсив наш) становятся исходными» во всех стратегиях познания [12, с. 306].

Прежде чем наше исследование остановится на ценностном подходе к пониманию не только стратегий познания, но и к качествам субъекта, ука-

жем на важный аспект, который порой некоторыми современными учеными не осознается.

1) Любое научное исследование находится под прессом анонимного виртуального субъекта в той мере, в какой исследование осуществляется в рамках конкретной парадигмы. Если упускается из виду направление или школа со своим понятийным аппаратом, то иногда применение статуса знания присутствует неявно или явно в принятии конвенций, которые тесно связаны с реализмом или же социальным пониманием коренной интуиции; эта ситуация раскрывается попаданиями здравого смысла.

2) Социально-гуманитарная проблематика при изучении различных интерпретаций социальной действительности уделяет внимание объекту в той его части, в котором часть выделилась практикой; этот вид анализа в научном исследовании социальной деятельности осуществляется чаще через человека (реализм), который видит мир таким, каков он есть (естественным образом), но также через «я», который имеет другой опыт, «нормативно» отличающийся от мнений посторонних субъектов (идеология, ценности).

Эти два момента анализа социальной деятельности без связи друг с другом регистрируют объективную реальность; вот почему философия социально-гуманитарных наук рефлексивизирует социальную деятельность, соответственно, по путям такой регистрации [1; 2, с. 148, 146—147].

Стремление философов переосмыслить традиционную эпистемологию в рамках оценочных содержаний указывает на *особую аргументацию субъекта*, которая ценностно определяет отношение между мыслью и действительностью. Идеал знания и познавательной деятельности — это естественные науки, а вот в науках о культуре содержатся человеческие смыслы, этические, эстетические ценности; это серьезное представление сохранялось длительное время, но ограничивало познание целостного человека, т. е. того, кто осознает себя как *свойственное себе бытие в социокультурном пространстве*. Актуальность современности в этом смысле предьявлена действительностью к мысли; поиску адекватных описаний субъекта и оценке надежных ценностных координат в существующем положении вещей.

* * *

Итак, для узнавания субъекта социально-гуманитарного познания через ценностный подход в первую очередь возникает *понятие права*, которое характеризует качество людей в социальном порядке. «Чтобы обладать правами, надо не только опираться на их признанность другими и на готовые формы их реализации, но и на определенные способности» [6, с. 303]. Если существует какое-либо притязание (направленность на предмет), то условием его реальности является определенное качество; так, правовым является любое качество, поскольку оно связано с притязанием. Правовыми качествами как

субъекта социального действия, так и ценностного субъекта в познании будут «гражданственность», «законопослушность», «ответственность», «честь», которыми мы наделяем и человека, когда даем ему ценностно-психологические характеристики; эти же правовые качества характеризуют в лучшем свете коллективные ценности, присутствуют в идеологиях общества. Так, в частности, добросовестность — это основание для правомерного поведения человека, но это также и форма правовой ответственности людей в обществе, к тому же еще и культурный идеал.

Надо сказать, что право как целое — это действительность равновесия, сбалансированности, гармонии, принявшая форму *правопорядка*. Государство создает правопорядок для себя самого и в контексте такого правопорядка оценивается правовое поведение субъекта, иначе — правовая деятельность человека. Так как право находится в руках законодателя, то от того, как он способен распоряжаться им, зависит правопорядок.

Правопорядок представляет собственно систему норм и правил, взаимодействующих с правовыми идеями, принципами и идеалами. Нельзя мыслить правопорядок лишь как реализованный порядок норм и правил. Особенность здесь в том, что они — нормы и правила — отражают правовой режим, который интегрирует общество со всей культурной системой. Так, происходит соединение установлений правопорядка с задачами культуры, в частности, той ее части, которая нуждается в нормативно-организационной практике.

Критериями правопорядка являются защищенность, действенность требований, стабильность отношений, наличие согласия и высокие уровни правомерности в действиях. Субъект социально-гуманитарного действия в координатах этих правовых критериев узнает самого себя во всем культурном пространстве. Эти критерии правопорядка выражают ценности субъекта, целостную модель субъекта действительности. Таким образом, есть основание заключить, что правопорядок можно рассматривать в аспекте ценностных моделей субъекта как его поведение, нормативный состав, его правосознание. Ценность правопорядка — в легитимном должностовании субъекта, в легализации субъектом своей структуры в культуре, **векторе надежных социальных координат**.

Однако «в духовно-нравственной сфере человек действует как личность, т. е. воедино собранная целокупность и внутренняя стяженность своего бытия. В *правовой сфере человек действует как лицо*, то есть воедино собранная функциональность, социальная проявленность, значимая односторонность» [6, с. 304], что показывает нам необходимость рассмотрения нравственных качеств действующего субъекта. Выходит, что право ценностно актуализируется на основе деятельности права и тех ценностей, которые даются правопорядком, а вот формы

значимых гуманистических оснований даются уже этикой.

* * *

Для ценностного понимания субъекта реального взаимодействия в границах историко-культурного контекста необходима процедура составления норм коммуникативизма. Ее суть в том, что она разворачивает не воображаемые, а реальные субъекты, которые вступают в общение (дискуссию) по поводу установления общезначимых правил взаимодействия. Эти субъекты признают в качестве обладающих всеобщей нормативной силой только *те нормы, которые санкционированы ими самими в результате обсуждения. Надежность стремлений* субъектов отталкивается от реальных отношений субъектов уже не сугубо теоретически, а действительно. Объект коммуникативизма утверждает в себе два принципа, на которые опирается субъект, ценностно формулирующий надежность коммуникации. Принцип равенства: любой человек рассматривается как равноценный участник коммуникации, отвечающий за совершаемые действия. Он признает себя частью дискурсивного пространства, агентом формирования, утверждения или, наоборот, опровержения и отмены норм [15, с. 90—120]. Принцип взаимности: субъект признает право другого выражать согласие с его позицией или не соглашаться с ней на основе публично предъявляемых доводов. Требование, предложенное какой-то из сторон обсуждения, может получить статус универсального лишь в том случае, если оно будет принято всеми теми людьми, чьи интересы затрагивают последствия ее применения на практике, причем будет принято исключительно на основе разумного и свободного выбора — без силового давления, угроз, обмана, в качестве предложения, опирающегося на убедительные аргументы. Стороны дискуссии предъявляют друг другу свои интересы и потребности; с одной стороны, это критическое переосмысление доводов, а с другой — это более точный учет итоговой системы норм, которой готовы подчиниться все участники обсуждения.

Таким образом, права человека выступают как *надежный продукт дискурса*, а в какой-то своей части — как его основа. Когда речь идет о правах как основе дискурса, то главным аргументом в пользу их признания, с точки зрения коммуникативистов, является понимание каждым членом того обстоятельства, что его собственная идентичность зависит от диалога с другими людьми.

Взаимное признание друг друга участниками дискурса вовлекает в него представителей различных социальных групп: возрастных, половых, конфессиональных, этнических. Дискурс не только позволяет защитить права тех групп, которые являются меньшинствами («другими» для большинства), но также ведет к изменению уже существующих идентичностей и к формированию новых. Члены возникающей группы вступают в коммуникацию

для создания новой нормы, которая защищает уже их идентичность. В ходе дискурсивного процесса получающие защиту меньшинства становятся партнерами большинства; они принимают существующие социальные институты и культурные традиции, но уже по-своему переосмысливают их для себя (здесь повторно напомним о «узнавании себя самого»).

Коммуникация становится условием формирования идентичности групп и ее изменения; она задает свой культурный контекст, а не пассивно формируется им. Такие процессы обозначают так называемые демократические итерации (повторения): по завершении дискурса люди не получают копию обсуждаемого феномена, а один из его **образов**, который обладает новыми смыслами. В контексте прав человека этот процесс дополняется новой юридической нормой, она укрепляет уже существующий перечень прав. Надо отметить, что эта процедура подразумевает и политически нейтральное обсуждение проблем общественной жизни, и политическую борьбу, вот почему для усиления сплоченности и интеграции необходимо способствовать росту правовой культуры с помощью институтов гражданского общества (СМИ, политические организации).

Координаты коммуникативистского обоснования прав человека имеют ценностные плюсы, т. к. на этом фоне исчезает вопрос о том, будут ли результаты процедуры выведения норм значимы для тех, кто попадает под их действие. Реальный характер соглашения позволяет утверждать, что будут. Однако проблема в том, что обстоятельство касается только тех людей и групп, которые *посчитали необходимым вступить в коммуникацию* по поводу норм совместного существования на условиях, провозглашенных коммуникативной этикой. Будет ли такое участие приемлемым для представителей всех или большинства культурных традиций, формирующих ценностное мировоззрение наших современников? Сама по себе коммуникативистская модель не дает ответа на этот вопрос и не создает прочных оснований для положительного ответа на него. Зато другой подход к основанию прав человека, противостоящий коммунитаристскому, всецело сосредоточен именно на этой задаче.

* * *

Основное предназначение общности современного типа — коммунитарный тип; заключается, с одной стороны в том, чтобы постоянно способствовать установлению широких, многомерных связей коммуникации в дискурсах, а с другой стороны, в том, чтобы создавать и поддерживать свои автономные образования, «действующие организованно, сплоченно, цивилизованно, политически грамотно» [14, с. 126].

Коммунитаристы отвергают теорию общественного договора, в основе которой лежит образ человека как существа, опирающегося исключительно на свой разум, умеющего формулировать универ-

сальные нормативные ориентиры. В их аргументации человек не может быть моральным субъектом вне и помимо сообщества, независимо от коллективно разделяемых представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости, правах и их нарушениях. Для того, чтобы можно было говорить о правах, необходимо существование определенных социальных и политических отношений, которые только и делают возможным обладание правами. Источником наделения правами является политическое доверие между гражданами — чувство, которое выражает свободное принятие каждым членом сообщества обязательств по защите свободы друг друга и совершению действий в соответствии с ними. В оптике такого доверия может сложиться консенсус по правам человека не гипотетический, а реальный, который опирается на политическую культуру определенного сообщества. Но есть нюанс: могут ли прийти к такому консенсусу разные сообщества, имеющие различные взгляды на природу и параметры совершенства человека, разную историю базовых социальных институтов и т. д.?

Некоторые коммунитаристы [5—9] считают, что такой консенсус возможен. Однако, с их точки зрения, он не должен отталкиваться от какого-то глубокого взаимного понимания представителей разных культур на уровне оснований идеи прав человека. Интеграция позиций на уровне оснований если и возможна, но только в исторической перспективе. Также равным образом невозможно пока и полное совпадение взглядов в отношении номенклатуры прав. Перечни прав, выдвигаемые различными сообществами, будут отличаться по своему содержанию или порядку, по приоритетам, по интерпретациям конкретных прав. Заметим, что осознание этих различий — первый шаг к универсализации идеи прав человека: если нормы моего сообщества являются обоснованными, то и их нормы также могут иметь весомые основания. Это тот самый пункт, с которого может начаться переопределение идентичности, трансформация традиционных ценностных ориентиров какого-то сообщества. Впрочем, в этом процессе должны быть сведены к минимуму внешние воздействия на него, поскольку они воспринимаются его членами как грубое давление и пренебрежение традициями; проявится *ненадежность* самого сообщества, что может усилить сопротивление любым изменениям идентичности и усложнить достижение консенсуса. Путь ко всеобщему согласию в вопросе о правах человека должен проходить не через утрату или отрицание традиционной идентичности, а через углубляющееся понимание сторонами друг друга, через сознание их *равенства*. Иначе ненадежность переговорного процесса по установлению консенсуса станет как нечто чрезвычайно затруднительное и лишенное шансов на успех.

Таково, в частности, то обстоятельство, когда представители некоторых незападных культур ста-

вят в укор благополучие сообщества, в котором в свою очередь обеспечивается благо каждого его члена. Для них сторонники ценностей Запада ненадежны в силу крайнего индивидуализма, стремлением лишь к достижению личного блага. В западной традиции идея субъективных прав органично связана с христианским культурным наследием и особенностями развития правовой системы европейских стран. Традиции с другим историческим опытом акцентирование субъективного права воспринимают подозрительно. Однако коммунитаристы убеждены, что это противоречие можно разрешить благодаря наличию *во всех культурах общих нормативных черт*, таких как табу на убийство или уважение к честной процедуре (не лги ни в помыслах, ни в мыслях), которые могут способствовать сближению в вопросе о правах.

Образцом описания может служить для нашего исследования буддийская традиция, когда предвзвешенности смещаются на *базовые идеи ненасилия*. Сторонники этой тенденции подчеркивают индивидуальную ответственность каждого за достижение просветления и обращают особое внимание на социальные импликации идеала ненасилия. В этой связи их ценностно-нормативная система при всем различии метафизических оснований оказывается близка к западным ценностям автономии и демократии. Защита прав человека является для них важной и злободневной практикой, хотя обоснование этой практики не связано с западной идеей уважения к достоинству человека. В итоге они выступают в качестве потенциальных участников всеобщего консенсуса в отношении прав человека, опираясь при этом на фундамент собственной, буддийской традиции.

По мнению коммунитаристов, представители исламской культурной традиции имеют все основания и могут присоединиться к ценностям такого рода: ненасильственному консенсусу, даже несмотря на чрезмерную жесткость некоторых норм шариата. Аргументацией служит тезис ислама о божественном милосердии и сострадании, который коррелирует с христианским благочестием, превозносящим любовь к ближнему. Эти схожие ценности могут стать отправной точкой в длительном процессе создания общих норм, защищающих человека, без потери духовной основы сообществ, придерживающихся ислама.

Несмотря на то, что оба описанных выше этических подхода снимают некоторые трудности для взаимопонимания субъектами социальной действительности, они сталкиваются с одним и тем же препятствием. И индивидам, и группам, основанным на общей идентичности, очень трудно признать, что ценностные установки «других», отличающиеся от их собственных установок, имеют равный с ними статус или хотя бы должны обсуждаться в качестве равных претендентов на одобрение со стороны разумных людей. Это блокирует диалоговое сближение

позиций по вопросу об общих нормативных основаниях проблематичным. Конечно, в истории имеются отдельные положительные примеры уважения к ценностям и нормам других культур при сохранении собственных, примеры взаимного обогащения разных традиций в области морали и права, однако превратить эти примеры в глобальную тенденцию, формирующую универсальный консенсус, в ближайшем будущем вряд ли получится. Но исследователями социально-гуманитарного познания все же уделяется внимание к поиску объективных, значимых для человека правил; их занимает рассмотрение зарождающихся норм, отображающих реальность, переносимых в настоящее время; к пониманию межчеловеческого как противоположности универсализму и общеродовому воплощению. Они задаются вопросами межчеловечности, которая объединяет не широкие массы людей или группы избранных членов сообщества, а *духовные единицы*, определяющие смыслы между-бытия или междумирья для вполне конкретных людей. Именно в этом состоит суть истинной и осмысленной коммуникации [10, с. 23]. В этом смысле надежность узнавания субъектом себя цензурируется в системе *многократной готовности* людей на равновесные состояния, которые обеспечивают устойчивость и магистральные линии развития для *всечеловеческих ценностей*.

Таким образом, общий вывод нашего исследования сводится к тому, что ценностное понимание надежности действительного субъекта разворачивается при сближении объектов:

а) правопорядка как установление количественных и качественных *требований лицу права* с целью отсутствия недопустимого поведения людей;

б) коммуникации положительных нравственных основ (убеждений) между людьми для формирования *образа* человека надежного, верного себе и своему слову;

в) коммунитарного взаимодействия, в котором отклоняются предрассудки и преодолевается эмпирическая функция ненадежности отрицательных общественных устоев. Принцип преодоления ненадежности в социально-гуманитарных науках — это познание новых феноменов межчеловечности как пространства реализации практической философии, которая по многим вопросам норм морали и права влияет на специфику социально-гуманитарного знания;

г) понятие надежности было рассмотрено в рамках «положительное духовно-нравственное качество личности» (твердость, способность постоять за других, выполнять установки права).

Литература

1. Аристотель. Сочинения. Т. 1. Гл. 9. М.: Мысль, 1976.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Гегель. Феноменология духа. СПб., 2002.
4. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение конкретности Бога и человека : в 2 тт. СПб., 1994.
5. Лосский Н.О. Ценность и Бытие // Библиотека «РХ. 2000». Религиозная философия. М.: Родина-Фодио, 2000.
6. Малахов В.П. Философия права. М., 2008.
7. Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М., 1997.
8. Мысливченко А.Г. Феномен внутренней свободы // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 207—230.
9. Нерсесянц В.С. История правовых и политических учений. М., 1998.
10. Резник Ю.М. Новая гражданская общественность России как социально-этический проект межчеловечности // Вестник РФО. 2019. Вып. 1-2 (89-90). С. 20—30.
11. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.В. Миронова. М., 2006.
12. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники : учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1996.
13. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2009.
14. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). М., 1992. С. 126.
15. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001.

THE EPISTEMIC VALUE OF “RELIABILITY” IN SOCIO-HUMANITARIAN COGNITION: ETHICAL AND LEGAL COORDINATES OF THE SUBJECT

Liudmila Toguzova⁴, Ol'ga Titkova⁵, Al'bina Osipova⁶

Keywords: *object, subject, values, moral convictions, self-recognition, legal order, communicative, communitarian, reliability, interhumanness.*

Abstract

Purpose of the paper: studying the reflexivity of knowledge if the subject is aware of the reliability or unreliability of his knowledge in the socio-humanitarian object. Value argumentation is explained as a subject of interests and ambitions important for a person or a group of persons. The attention is focused on legal order, communication and communitarianism of the subject of reality. Due to the difference in human abilities to choose based on practical reasoning, the authors undertook a description of key assertions together with assessing the means that can be derived from ethical and legal objectness.

Study findings: the value side in socio-humanitarian cognition transforms patterns and standards into an inherent ethical and legal element of any activity and reflects reality in the perspective of correct understandings.

References

1. Aristotel'. Sochineniia. T. 1. Gl. 9. M.: Mysl', 1976.
2. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia. M., 1995.
3. Gegel'. Fenomenologiya dukha. SPb., 2002.
4. Il'in I.A. Filosofiya Gegelia kak uchenie konkretnosti Boga i cheloveka : v 2 tt. SPb., 1994.
5. Losskii N.O. Tsennost' i Bytie // Biblioteka "R.Kh. 2000". Religioznaia filosofia. M.: Rodina-Fodio, 2000.
6. Malakhov V.P. Filosofia prava. M., 2008.
7. Momdzhian K.Kh. Vvedenie v sotsial'nuiu filosofiiu. M., 1997.
8. Myslivchenko A.G. Fenomen vnutrennei svobody // O chelovecheskom v cheloveke. M., 1991. Pp. 207–230.
9. Nersetsians V.S. Istoriia pravovykh i politicheskikh uchenii. M., 1998.
10. Reznik Iu.M. Novaia grazhdanskaia obshchestvennost' Rossii kak sotsial'no-eticheskii proekt mezhchelovechnosti // Vestnik RFO. 2019. Vyp. 1-2 (89-90). Pp. 20–30.
11. Sovremennye filosofskie problemy estestvennykh, tekhnicheskikh i sotsial'no-gumanitarnykh nauk : uchebnik dlia aspirantov i soiskatelei uchenoi stepeni kandidata nauk / Pod obshch. red. d-ra filos. nauk, prof. V.V. Mironova. M., 2006.
12. Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. Filosofia nauki i tekhniki : uchebnoe posobie dlia vysshikh uchebnykh zavedenii. M., 1996.
13. Filosofskii slovar' / Pod red. I.T. Frolova. M., 2009.
14. Khabermas Iu. Demokratsiia. Razum. Nravstvennost'. (Lektsii i interv'iu. Moskva, aprel' 1989 g.). M., 1992. P. 126.
15. Khabermas Iu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie. SPb., 2001.

⁴ Liudmila Toguzova, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation. E-mail: toguzova@mirea.ru

⁵ Ol'ga Titkova, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation. E-mail: titkova_o@mirea.ru

⁶ Al'bina Osipova, Ph.D. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Humanities and Social Sciences of the Institute of Management Technologies of the MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation. E-mail: osipova_a@mirea.ru